Правовой обзор особенностей квалифицирующих признаков и объективной стороны составов легализации (ст. 174 и 174.1 УК РФ)

Савин Данила Иванович
магистр, кафедра уголовного права, МГЮА имени О.Е. Кутафина, savin.danila.2002@mail.ru

Актуальность настоящего исследования обусловлена рассмотрением новых подходов к квалифицирующим признакам состава преступления в рамках состава легализации (отмывания денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем). Целью работы является рассмотрение ключевых проблемных вопросов квалификации применительно к легализации и определение путей решения. Методы исследования: анализ законодательства, юридической доктрины и правоприменительной практики. В результате проведенной работы поставленная цель была успешно решена.
Ключевые слова: квалифицирующие признаки, правила квалификации, объективная сторона, легализация.

Ключевыми моментами для целей квалификации преступления являются квалифицирующие признаки состава преступления, используемые в юридической технике для разграничения между собой деяний, образующих один и тот же состав преступления, но имеющие различную общественную опасность. В рамках состава легализации действующее уголовное законодательство Российской Федерации выделяет несколько квалифицирующих признаков: крупный и особо крупный размер стоимости легализованного имущества, а также совершение данного деяния группой лиц по предварительному сговору, или же совершение данного деяния организованной группой лиц, а также совершение данного деяния с использованием служебного положения.

Статья 174^1 УК РФ, а именно специализированный состав, криминализующий легализацию в ситуации, когда субъект легализации и предикатного преступления совпадают, не содержит существенных текстуальных отличий от 174 статьи УК РФ в части квалифицирующих признаков состава преступления.

Для более полной оценки каждого из квалифицирующих признаков считаю целесообразным рассмотреть их отдельно.

Признак совершения деяния группой лиц является стандартным для подавляющего большинства составов особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и, в связи с этим, на мой взгляд, не нуждается в детальном рассмотрении. Остальные же квалифицирующие признаки считаю целесообразным рассмотреть более детально.

Если говорить о признаке организованной преступной группы, то в силу усложненной структуры данного типа соучастия, совершение преступления данной группой может быть реализовано по-разному. Так, например, в исследовании, проведенном Г.А. Русановым и Ю.Е. Пудовочкиным выделяются пять возможных вариантов реализации состава легализации имущества и денежных средств, приобретенных преступным путем в рамках организованной группы{ Пудовочкин Ю. Е., Русанов Г. А. Легализация (отмывание) преступных доходов в контексте организованной преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10}:

1. Предикатное преступление совершено организованной группой, но лицо, выполняющее объективную сторону отмывания, не состоит в данной группе;
2. Субъект, выполняющий объективную сторону состава отмывания, состоит в организованной группе, но остальные участники группы не выполняют непосредственно объективную сторону отмывания;
3. Вся организованная группа специализируется на отмывании доходов и имущества, полученных в ходе предикатных преступлений, совершенных лицами, не состоящими в данной организованной группе;
4. Организованная группа оказывает содействие в легализации имущества и доходов иной организованной группе, совершившей предикатное преступление;
5. Организованная группа осуществляет и объективную сторону предикатного преступления (преступлений), и объективную сторону состава легализации. Значимой особенностью данного варианта является то, что в данной конструкции объективной стороны правильной является квалификация с использованием квалифицирующего признака организованной группы и для легализации,

и для предикатного преступления, при условии наличия данного квалифицирующего признака в конструкции состава.

Данное правило квалификации обусловлено тем фактом, что квалифицирующий признак организованной группы содержится в объективной стороне обоих совершенных преступлений. Соответственно, подобное применение норм материального уголовного права не следует рассматривать как нарушение принципа справедливости. Также стоит отметить тот факт, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации обозначена необходимость применения ко всем участникам организованной группы независимо от их конкретной роли квалификации их действий по пункту «а» части 4 соответствующей статьи без ссылки на статью о видах соучастников.

Важно отметить, что вышеприведенная классификация детально описывает варианты преступного поведения, образующие квалифицирующий признак организованной группы применительно к данному составу преступления. Мы видим, что данный квалифицирующий признак применительно к составу легализации действительно является весьма сложным и многоаспектным, охватывая несколько принципиально разных типов преступного поведения, которые, тем не менее, так или иначе связаны с введением криминальных доходов в легальный экономический оборот.

Далее рассмотрим такой квалифицирующий признак, как крупный и особо крупный размер. Тут важно отметить тот факт, что в одной из ранних редакций данного состава преступления данный признак рассматривался не как квалифицирующий, а как криминообразующий признак данного состава {Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. – 2012. – № 11. – С. 87.}. Данный факт, на мой взгляд, важен как иллюстрация изменения общественной опасности данного состава в глазах законодателя.

Факт того, что криминализация деяния происходит только при крупном размере ущерба, указывает на отсутствие у законодателя восприятия данного состава как опасного априори, независимо от суммы легализованного имущества.

Можно выдвигать разные гипотезы, объясняющие изменение позиции законодателя с течением времени, например объяснять это через низкое развитие рыночных институтов в тот момент времени, а соответственно значительно меньшую общественную опасность данного деяния.

Таким образом имеет смысл говорить о тенденции на усиление уголовно-правовой охраны экономического оборота, от ввода в него криминальных денежных средств и иных ценностей.

Также стоит обратить внимание на подход судебной практики к определению размера для целей квалификации. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации сказано, что размер определяется на момент начала совершения финансовых операций, а в случае совершения цепочки сделок или операций на момент начала первой из них. Таким образом, Верховный Суд дает конкретный алгоритм определения квалифицирующего признака, исключающий возникновение неоднозначности в правоприменении.

В том же постановлении установлен порядок определения размера легализованной суммы для легализации криминального дохода в иностранной валюте. А именно, применение официального курса, установленного Центральным Банком Российской Федерации на момент начала выполнения объективной стороны преступления.

При этом стоит выделить, на мой взгляд, достаточно значимую проблему. Постановление Пленума Верховного Суда устанавливает, что предметом преступления могут выступать также и виртуальные активы (криптовалюты) и денежные средства, преобразованные из них. При этом данное постановление не содержит дальнейших пояснений на тему особенностей определения стоимости подобного специфического предмета преступления.

Таким образом, мы видим, что судебная практика реагирует на появление нового предмета преступления, но при этом пока что не выработала специфических алгоритмов определения количественных характеристик для данного предмета.

В действующей редакции УК РФ закреплена норма, устанавливающая крупный размер легализованного имущества в виде суммы в один миллион пятьсот тысяч рублей. В качестве особо крупного размера легализованного имущества установлена сумма в размере шесть миллионов рублей. При этом, как отмечается в сравнительном исследовании разных редакций уголовного закона, данная модель закрепления квалифицирующего признака появилась в результате долгого развития юридической техники. В редакции 1996 года данный признак не содержал указаний на конкретную сумму или способ исчисления данной суммы, что безусловно создавало ряд практических сложностей в применении данного квалифицирующего признака {Якимов О. Ю. Легализация доходов, приобретенных преступным путем. СПб., 2005}.

Также стоит отметить тот факт, что признак крупного размера рассматривался в редакции 2001 года в качестве криминообразующего признака, что опять же говорит о значительно отличавшемся восприятии общественной опасности данного деяния.

Перевод данного признака в список квалифицирующих говорит о стремлении законодателя в значительной степени усилить механизм уголовно-правового противодействия легализации.

Таким образом, мы видим устойчивую тенденцию на усиление уголовно-правовой защиты экономического оборота от легализации, путем введения нового квалифицирующего признака и, соответственно, ужесточения ответственности при его наличии в деянии субъекта преступления.

Квалифицирующий признак использования должностного положения также нуждается в более детальном изучении. Так, например, формулировка статьи уголовного закона не содержит конкретной дефиниции должностного положения, что порождает вопрос о том, какой именно круг должностей охватывается данным квалифицирующим признаком.

По данной проблеме существует несколько прямо противоположных позиций. Так, например, существует позиция о том, что данный квалифицирующий признак следует применять в ситуации наличия у субъекта преступления абсолютно любой должности, если лицо использовало своё должностное положение для облегчения совершения преступления. Такой позиции придерживается, например, Л.В. Иногамова-Хегай в своей работе, посвященной квалификации преступлений, совершенных с использованием служебного положения {Иногамова-Хегай Л., Черебедов С. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Уголовное право. 2008. № 4. С }.

Есть и иная прямо противоположная позиция. Например, в работе Н.А. Лопашенко выражена альтернативная точка зрения {Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). С. 367–368}. Данный автор, опираясь на собранную им судебную практику, включая

практику Верховного Суда Российской Федерации, утверждает, что для целей данного квалифицирующего признака субъектами являются исключительно лица, занимающие государственные должности или должности государственной и муниципальной службы, или же лица, занимающие должности в коммерческой организации, прямо поименованные в примечании к составу злоупотребления полномочиями. Аналогичная позиция приводится и в работе А.Г. Безверхова {Безверхов А. Г. Служебные правонарушения (тенденции развития норм) // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 28–29}.

Сходной позиции придерживается и П.С. Яни, предлагающий ограничить применимость данного квалифицирующего признака исключительно лицами, имеющими реальные функции управления в государственном органе или же в частной организации {Яни П. Использование служебного положения при хищении вверенного имущества // Законность.2010. № 3. С. 15–19}.

Позиция П.С. Яни представляется мне более обоснованной, поскольку позволяет избежать ситуации необоснованного применения квалифицирующего признака в ситуации, когда служебная деятельность лица, совершившего преступления, не имеет фактического влияния на общественную опасность совершенного деяния.

Если говорить о существующих в Российской Федерации проблемных вопросах квалификации, связанных с легализацией, то стоит выделять несколько ключевых проблем.

Начать хотелось с проблемы продолжаемого преступления, применительно к составу легализации. По данному вопросу существует несколько правовых позиций. Например, позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Пленум в своем постановлении исходит из позиции, предполагающей рассмотрение нескольких эпизодов легализации, объединенных единым умыслом как единого продолжаемого преступления. При этом в ситуации, когда цепочка сделок не была доведена до конца определение размера для целей решения вопроса о применимости квалифицирующего признака проводится по итоговой сумме, на которую был направлен преступный умысел.

С подобным решением проблемы квалификации согласны не все авторы. Так, например данный подход критикуется в работе А.И. Малыгина { Малыгин Александр Игоревич «Уголовная ответственность за легализацию активов организованной преступности»:дис.канд.юрид.наук:5.1.4/Малыгин Александр Игоревич; Место защиты: АНО ВО «Российский новый университет»; Диссовет Д 521.019.XX (75.2.016.02) М/,2025}, который выражает мнение о неправильности данного подхода к квалификации. Как он отмечает в своей работе, отнесение преступления к разряду оконченных, как и определение размера исходя из планируемого объема легализуемой суммы сомнительно, с точки зрения определения реальной общественной опасности деяния, образующего состав преступления. По сути, с доводами автора по данной проблеме можно согласиться. Рассматриваемый вариант толкования нормы действительно является небесспорным и порождает целый ряд потенциально трудноразрешимых проблемных вопросов, но при этом стоит отметить, что автор, приводя критические доводы к толкованию нормы, тем не менее не предоставляет свой вариант правильного ее толкования и применения. Тем не менее важно отметить тот факт, что толкование нормы, предложенное Пленумом Верховного Суда, основывается на устоявшейся судебной практике по делам о легализации и является последовательным и логичным в рамках сложившейся практики правоприменения и курсе государства на противодействие легализации и организованной преступности. Таким образом, на мой взгляд, позицию, выраженную в данном постановлении, стоит рассматривать как прямое продолжение уголовно-правовой политики государства.

Следующий проблемный вопрос квалификации возникает при участии в совершении преступления, предусмотренного статьями 174 или 174^1 УК РФ, нескольких разных субъектов преступления с различающимися ролями. Речь идет о ситуации, в которой объективная сторона предикатного преступления выполнялась только одним из субъектов состава легализации. Толкование норм Уголовного кодекса Пленумом Верховного Суда предписывает в данной ситуации применять различную квалификацию и квалифицировать по статье 174^1 УК РФ только действия непосредственного субъекта предикатного преступления, действия же остальных участников преступной группы предлагается квалифицировать по статье 174 УК РФ

Данная квалификация не встретила существенной критики в юридической доктрине. Например, в работе А.И. Сорокина данный подход к квалификации назван правильным и отражающим ключевые принципы Уголовного права{Сорокин, А. И. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённого другими лицами преступным путём: некоторые аспекты квалификации / А. И. Сорокин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 38–44}. При этом стоит отметить, что проблемы квалификации преступлений, связанных с легализацией чаще всего, затрагивают именно аспекты, связанные с соучастием и, в частности, с группой лиц. Это обусловлено тем, что на практике, как отмечается в некоторых исследованиях, объективная сторона легализации чаще всего требует участия большого числа вовлеченных лиц и наличия сложной организационной структуры {Соловьев, А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис.канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 10}. Таким образом проблема, поднятая в постановлении Пленума, приведенном выше, действительно является актуальной.

При этом стоит понимать, что квалификация, описанная выше, применима не в любой ситуации. В данном случае квалификация действий, характеризующих объективную сторону легализации, зависит от квалификации по предикатному преступлению.

В ситуации привлечения только одного соучастника легализации к ответственности за предикатное преступление действия остальных действительно корректнее квалифицировать по статье 174 УК РФ.

Но при этом и положения постановления Пленума Верховного Суда, и положения юридической доктрины формулируют совершенно обратное правило квалификации для ситуации, в которой и предикатное преступление, и действия по легализации дохода от него совершены организованной группой, в данной ситуации предполагается вменять всем участникам организованной группы действия, предусмотренные именно статьей 174^1 УК РФ невзирая на то, какие именно элементы объективной стороны выполнял или не выполнял каждый конкретный участник организованной группы. Данный подход к квалификации преступления, связанного с легализацией доходов от деятельности организованной преступной группы, согласуется с общими принципами привлечения к ответственности участников организованных преступных групп и, на мой взгляд, является верным как с доктринальной, так и с правоприменительной точек зрения. Поскольку сама сущность организованной преступной группы предполагает содействие любого ее участника преступной деятельности всей группы в целом. Именно по этой причине

дифференциация квалификации в данной ситуации нецелесообразна и скорее затрудняет полную и объективную правовую оценку действий субъектов преступления, поскольку на практике провести такую дифференциацию, на мой взгляд, в большинстве случаев не представляется возможным. Более того, исходя из текущих положений уголовного законодательства, в подобной квалификации отсутствует необходимость. На практике данный подход также применяется, например, в апелляционном определении судебной коллегии Верховного Суда данный способ квалификации рассматривается как верный{ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2017 № 56-АПУ17-20. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/}. Аналогичная логика применяется и в ряде других проанализированных судебных решений, например в приговоре, вынесенном Наро-Фоминским городским судом, прослеживается аналогичный подход к квалификации {Приговор Наро-Фоминского городского суда (Московская область) № 1-1/2018 1-286/2017 от 14. 02. 2018 г. по делу № 1-1/2018. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru}. Как и в приговоре, вынесенном Хамовническим районным судом города Москвы {Приговор Хамовнического районного суда (г. Москва) № 1-1/2016 1- 236/2015 от 02. 02. 2016 г. по делу № 1-1/2016. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/}.

Другие проанализированные приговоры судов общей юрисдикции разных уровней и разных субъектов, также отражают тенденцию на выполнение судами тех или иных рекомендаций, отраженных в Постановлении Пленума Верховного Суда. Данная тенденция явно показывает высокую роль трактовок, разработанных и применяемых Верховным Судом, в практическом правоприменении.

Именно по этой причине в работе А.И. Малыгина данное правило квалификации аналогично названо оптимальным{Малыгин Александр Игоревич «Уголовная ответственность за легализацию активов организованной преступности»:дис.канд.юрид.наук:5.1.4/Малыгин Александр Игоревич; Место защиты: АНО ВО «Российский новый университет»; Диссовет Д 521.019.ХХ (75.2.016.02) М/,2025}. Аналогичной точки зрения придерживается и Ю.Е. Пудовочкин {Пудовочкин Ю. Е., Русанов Г. А. Легализация (отмывание) преступных доходов в контексте организованной преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10}. В работе П.С. Яни мы можем увидеть аналогичную по сути позицию, рассматривающую положения Постановления Пленума в качестве наиболее правильного варианта квалификации {Яни П. С. Решение законодателем и Верховным Судом проблем уголовной ответственности за легализацию преступных доходов // Легализация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия: сб. ст. Н. Новгород, 201}.

Таким образом мы видим, что устоявшееся в правоприменительной и судебной практике правило квалификации не встречает значимой критики и в юридической доктрине, что безусловно говорит о выработке правоприменителем оптимального решения данной проблемы квалификации как с точки зрения соблюдения принципов уголовного права, так и с точки зрения задач данной отрасли применительно к противодействию легализации криминальных доходов и противодействию организованной преступности.

Также стоит рассмотреть проблему квалификации данного состава преступления в ситуации, когда объективная сторона преступления была выполнена посредством операций с криптовалютами. Основной проблемой в данном случае является неопределенный правовой статус криптовалют, поскольку несмотря на относительную распространенность данного явления, законодательное регулирование в настоящий момент не содержит устоявшихся правовых норм, направленных на регулирование их статуса относительно денежных средств и доходов, которые могут выступать предметом преступления, предусмотренного статьями 174 и 174[1] УК РФ.

Таким образом значительная доля выводов о правильной квалификации в данном случае выводится именно из юридической доктрины. Так, например в работе А.И. Сорокина прямо подчеркивается, что криптовалюты некорректно приравнивать к денежным средствам, поскольку с точки зрения законодательства Российской Федерации они не обладают необходимыми для этого признаками, выступая, по сути, в роли некоего суррогата денежных средств. При этом отнесение их к иному имуществу также является небесспорным в силу их виртуального характера. Одной из основных проблем для практической квалификации преступлений задействующих криптовалюту является трудность определения их правовой сущности, в силу отсутствия у них централизованной эмиссии, подконтрольности какому-либо российскому или же зарубежному государственному органу {Брыжова, Е. М. Отмывание денежных средств через криптовалюту / Е. М. Брыжова //Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: Материалы международной научной конференции. Том Часть 2. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 20–23.}.

В силу озвученных выше факторов законодательство, судебная практика и юридическая доктрина не содержат однозначного решения проблем квалификации для преступлений, связанных с криптовалютами. Таким образом данный вопрос, по сути, остается не решенным в современной юридической доктрине и практике, поскольку решение данного вопроса невозможно без однозначного определения юридического статуса криптовалют как явления, а также без определения методики юридически значимой оценки стоимости криптовалют, что является критически важным для целей определения квалифицирующего признака в виде размера, который установлен положениями УК РФ.

Таким образом мы видим, что состав легализации в действующем уголовном праве развивается и несмотря на наличие некоторых проблемных вопросов квалификации, многие из них уже решены на уровне судебной практики и юридической доктрины, но при этом существуют также проблемы, связанные с появлением новых объектов экономического оборота, что требует от законодателя, правоприменителя и от юридической доктрины выработки новых подходов, направленных на противодействие новым формам экономической преступности и, в частности, легализации.

Помимо существующих доктринальных и законодательных положений, стоит также упомянуть и перспективы развития данной сферы уголовного законодательства и пути ее совершенствования. Так, например, в качестве одной из проблем, характеризующих несовершенство законодательной конструкции составов легализации в ныне действующей редакции УК РФ, можно выделить такую проблему, как низкую связь ответственности за совершение легализации и ответственности за предикатное преступление. В текущей редакции статей 174 и 174[1] УК РФ не проводится разграничение санкции в зависимости от тяжести, а соответственно и общественной опасности предикатного преступления.

При этом многие исследователи отмечают особую общественную опасность от совершенно конкретных предикатных преступлений, таких, как, например, незаконный

оборот оружия или наркотиков {Пикуров Н.И., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы квалификации и привлечения к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. – М., 2019. – С. 24.}. Также во многих исследованиях проводится анализ статистических данных по наиболее частым предикатным преступлениям в рамках состава легализации.

Так, например, в исследовании, проведенном Р.В. Журбиным, приводится статистика, согласно которой наиболее частыми преступлениями, сопутствующими легализации, выступают такие преступления, как: преступления против собственности, незаконный оборот наркотиков, коррупционные преступления, экономические преступления { Журбин Р.В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. – М., 2011. – С. 94}.

На основании приведенной статистики можно сделать вывод о том, что легализация чаще всего связана с конкретными преступлениями, общественная опасность которых неодинакова, что и позволяет поставить вопрос о целесообразности изменения особенной части, а именно добавления в санкцию статей 174 и 174^1 УК РФ дифференциации в зависимости от тяжести и общественной опасности предикатного преступления.

Стоит отметить и тот факт, что во многих юрисдикциях действуют правила так или иначе дифференцирующие ответственность за легализацию в зависимости от природы и общественной опасности предикатного преступления. Так, например, ответственность за легализацию доходов от незаконного оборота наркотических средств будет выше, чем ответственность за легализацию аналогичной суммы, полученной путем совершения преступлений против собственности, поскольку здоровье населения является более охраняемым объектом, чем право собственности.

Данный подход является логичным и с точки зрения противодействия наиболее опасным формам организованной преступности, задействующим легализацию для создание стабильного канала финансирования преступной деятельности.

Еще одним направлением совершенствовании законодательства в сфере легализации является введение конкретных правовых механизмов применения норм уголовного права в случаях совершения данного деяния применительно к криптовалютам. Основной проблемой текущего законодательства и судебной практики является отсутствие как законодательно закрепленного определения криптовалют, пригодного для целей и задач уголовного права, так и отсутствие законодательного регулирования способов определения размера для преступлений с криптовалютой. В качестве потенциального способа совершенствования законодательства в этой сфере можно рассмотреть вариант введения отдельного законодательного акта, регулирующего вопрос криптовалют и бланкетную отсылку на него в тех нормах уже уголовного кодекса, в которых подобное является объективно необходимым и целесообразным. Таким образом законодатель мог бы повысить защищенность экономического оборота от посягательств с использованием современных криптовалютных инструментов.

Также в качестве потенциальных направлений совершенствования имеет смыл рассмотреть вопрос о более полном раскрытии в законе квалифицирующего признака, связанного со служебным положением. Как уже отмечалось в соответствующей части исследования, определение данного признака содержит явно проблемные аспекты. Как отмечается в работе Л. В. Иногамовой-Хегай, в настоящий момент дефиниция для данного квалифицирующего признака не содержит конкретных и однозначных признаков, позволяющих однозначно отграничить случаи применимости этого признака от случаев неприменимости.

Представляется разумным решением изложить данный признак в редакции, предложенной Н.А. Лопашенко, а именно установить однозначный закрытый перечень должностей для данного квалифицирующего признака и сделать его аналогичным перечню должностей для состава злоупотребления полномочиями, предусмотренного УК РФ. Таким образом возможно установить однозначный разграничительный критерий, позволяющий избегать избыточного применения данного квалифицирующего признака.

Также имеет смысл говорить о возможном совершенствовании уголовного законодательства в части, касающейся конкретизации перечня финансовых операций, образующих объективную сторону состава легализации. Как отмечается в работе М.А. Филатовой, термин «финансовая операция» применительно к легализации носит фактически неопределенный характер и не содержит конкретных регулирующих положений или исчерпывающего перечня способов выполнения объективной стороны {Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. – 2012. – № 11. – С. 87.}. В связи с этим, на мой взгляд, было бы целесообразно рассмотреть вопрос о введении в уголовное законодательство максимально подробного исчерпывающего перечня способов совершения легализации денежных средств и имущества, приобретенных заведомо преступным путем.

Таким образом мы видим, что несмотря на детальную проработку состава легализации, совершенствование норм, направленных на противодействие легализации не только возможно, но и целесообразно, с точки зрения как юридической теории, так и практического правоприменения.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г.: в действ. ред. // [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru

2. Федеральный закон от 07. 08. 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349

3. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07. 07. 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9

4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2017 № 56-АПУ17-20. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/

5. Приговор Наро-Фоминского городского суда (Московская об-ласть) № 1-1/2018 1-286/2017 от 14. 02. 2018 г. по делу № 1-1/2018. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/

6. Приговор Хамовнического районного суда (г. Москва) № 1-1/2016 1-236/2015 от 02. 02. 2016 г. по делу № 1-1/2016. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/

7. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М., 2006. С. 358.

8. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учеб-ник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2015. – С. 245. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 4 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 3.

9. Мальцев В. В. О законодательных мерах повышения эффективно-сти противодействия экономическим преступлениям // Экономические пра-вонарушения: история, состояние, проблемы борьбы: мат. междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2002. С. 98.

10. Яни П. С. Решение законодателем и Верховным Судом проблем уголовной ответственности за легализацию преступных доходов // Легали-зация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия: сб. ст. Н. Новгород, 201

11. Сорокин, А. И. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённого другими лицами преступным путём: не-которые аспекты квалификации / А. И. Сорокин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 38–44

12. Соловьев, А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имуще-ства, приобретенных преступным путем: дис. … канд. юрид. наук. Волго-град, 2003. С. 10

13. Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. – 2012. – № 11. – С. 87.

14. Малыгин Александр Игоревич «Уголовная ответственность за ле-гализацию активов организованной преступно-сти»:дис.канд.юрид.наук:5.1.4/Малыгин Александр Игоревич; Место защи-ты: АНО ВО «Российский новый университет»; Диссовет Д 521.019.XX (75.2.016.02) М/,2025

15. Пудовочкин Ю. Е., Русанов Г. А. Легализация (отмывание) пре-ступных доходов в контексте организованной преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10

A legal review of the features of qualifying features and the objective side of the legalization compounds (Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Savin D.I.
Kutafin Moscow State Law University

The relevance of this study is due to the consideration of new approaches to the qualifying features of the composition of crime within the framework of the composition of legalization (laundering of funds and property acquired by criminal means). The purpose of the work is to examine the key problematic issues of qualification in relation to legalization and identify solutions. Research methods: analysis of legislation, legal doctrine and law enforcement practice. As a result of the work carried out, the set goal was successfully achieved.

Keywords: qualifying signs, rules of qualification, objective side, legalization.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996: in effect. ed. // [Electronic resource]. The official Internet portal of legal information: website. – Access mode: http://www.pravo.gov.ru
2. Federal Law No. 115-FZ of 07. 08. 2001 "On Countering the legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 33. – Article 3349
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2015 No. 32 "On judicial practice in cases of the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 9
4. The appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 28, 2017 No. 56-APU17-20. // [Electronic resource]. – Access mode: https://sudact.ru/
5. Verdict of the Naro-Fominsk City Court (Moscow region) no. 1-1/2018 1-286/2017 dated 02/14/2018 in case No. 1-1/2018. // [Electronic resource]. – Access mode: https://sudact.ru /
6. Verdict of the Khamovnichesky District Court (Moscow) no. 1-1/2016 1-236/2015 dated 02. 02. 2016 in case No. 1-1/2016. // [Electronic resource]. – Access mode: https://sudact.ru/
7. Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economics: the author's commentary to the criminal law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (article-by-article). Moscow, 2006. p. 358.
8. Criminal law of the Russian Federation. The special part. Textbook / edited by L.V. Inogamova-Hegai, A.I. Raroga, A.I. Chuchaev, Moscow, 2015, p. 245. Criminal law course. In 5 vols. Vol. 4 / edited by G. N. Borzenkov, V. S. Ko-missarov. M., 2002. p. 3.
9. Maltsev V. V. On legislative measures to increase the effectiveness of countering economic crimes // Economic violations: history, condition, problems of struggle: mat. international scientific and practical conference. Yekaterinburg, 2002. p. 98.
10. Yani P. S. The solution by the legislator and the Supreme Court of the problems of criminal liability for the legalization of criminal proceeds // Legalization of criminal proceeds and corruption in public authorities: theory, practice, and counteraction techniques: collection of art. N. Novgorod, 201
11. Sorokin, A. I. Legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons criminally: some aspects of qualifications / A. I. Sorokin // Scientific Bulletin of the Orlov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2021. No. 1(86). pp. 38-44
12. Solovyov, A.V. Criminal law and criminological measures to combat the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: dis. ... kand. jurid. sciences'. Volgograd, 2003. pp. 10-13
. Filatova M. A. Legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: some aspects of mutual importance in Russian and foreign law // Bulletin of the Moscow University. - 2012. – No. 11. – p. 87.
14. Malygin, Alexander I. "Criminal liability for the legalization of assets of organized crime": PhD in Law:5.1.4/Malygin, Alexander I.; Place of protection: Russian New University; Dissertation Council D 521.019.XX (75.2.016.02) M/,2025
15. Pudovochkin Yu. E., Rusanov G. A. Legalization (laundering) of illicit income in the context of organized criminal activity (on the example of Russia) // State and Law. 2019. № 10